

Ростовская Старина

К 125-летию Ростовского музея

Праздничные даты Ростовского музея

Продолжение.
Начало в «РС» № 138

Возникает естественный вопрос – как отмечались дальнейшие «круглые» даты музея? В год 5-летия (1888) и в год 10-летия (1893) в музее шла обычная работа. Его собрание пополнялось за счет пожертвований и покупки произведений, количество посетителей возрастало, увеличивалось и число членов музея: в него вступали все новые и новые лица – известные деятели церкви и науки. В Протоколе заседания Комитета музея от 28 октября 1893 г. записано предложение об избрании в почетные члены Ростовского Музея Церковных Древностей епископа угличского Никона. Можно предположить, что сам Комитет отмечал рождение музея, – скромно, в узком кругу.

Но вот наступил 1903 г. Музей подошел к 20-летию своего создания, и его отцы-основатели А.А. Титов, И.А. Шляков, В. Мансветов, признавая «незабытыми» только «октябрьские дни 1883 и 1884 гг.», все же сочли возможным обратиться через Императорское Московское Археологическое общество (ИМАО) к прокурору Святейшего Синода К.П. Победоносцеву с просьбой о назначении музейного ежегодного пособия в сумме 3200 р. При этом были подведены итоги его деятельности за 20 лет и дано полное обоснование необходимости запрошенных средств. «Состоящий под наблюдением ИМАО Ростовский Музей Церковных Древностей помещается в Белой палате и смежных с нею помещениях, восстановленных в 1883 г. при ближайшем участии ИМАО. Сосредоточил в своих стенах весьма богатое собрание старинных священных сосудов, ковчегов, дароносиц, редкую по художественному исполнению коллекцию резных деревянных царских врат и запрестольных крестов...». Представляя собой хранилище замечательных в археологическом и художественном отношении предметов, Музей пробудил значительный интерес к церковной археологии в местном обществе <...>.

Для осмотра и изучения коллекций Музей посещали многие известные археологи, профессора, архитекторы и художники... Укажем здесь директора Археологического института Н.В. Покровского, В.В. Верещагина <...> Музей посещали воспитанники столичных специальных учебных заведений, например, Петербургского общества поощрения художеств, Московского Строгановского училища.

Сверх этого, Комитет Музея поставил себе правилом не отказывать в своем содействии <...> техникам и строителям вновь возводимых православных церквей, постоянно снабжая их фотоснимками. Например, в Вену Строительной Комиссии была отослана значительная коллекция снимков памятников древнего Ростовского зодчества. Одним словом, музей имеет весьма важное местное и общегосударственное значение в области церковно-археологической и художественной. Этим он в значительной степени обязан бескорыстной деятельности нескольких местных ревнителей,

членов ИМАО.

Но времена меняются. Бескорыстные труженики не сегодня-завтра могут сойти со сцены, найдутся ли на их место другие – подобные? Если нет, то этому полезному учреждению грозит опасность – если не совсем погибнуть, то заглохнуть, чему немало примеров у нас на Руси. ИМАО с грустью видит, что Ростовский музей до сих пор не имеет достаточно определенной суммы на свое содержание, поддержку и пополнение коллекций».

При этом обращении ИМАО представило на рассмотрение К.П. Победоносцева проекты нового устава из 14 параграфов для «Ростовского Древлехранилища», штатного расписания, и на содержание музея запросило 3200 р. – ежегодно. К.П. Победоносцев, сократив размер пособия до 2300 р., обещал внести ходатайство Комитета музея на обсуждение в Государственный совет. Забегая вперед, скажем, что после многочисленных хлопот, государственное пособие музею было все-таки назначено в 1910 году, и именно в этом размере.

В архиве Ростовского музея сохранилась копия текста еще одного обращения А.А. Титова, И.А. Шлякова и В. Мансветова к высокому ходатаю: «Члены Комитета Музея, создавшие это хранилище древних памятников, воскресившие из груди кирпичей грандиозное здание Белой палаты, Иерарший дом, Княжьи терема, стены и башни древнего Кремля и возвысившие из развалин храм бывшего Григорьевского монастыря-затвора, Одигитриевскую церковь, храмы Спаса на Сенях, Воскресения и Иоанна Богослова, вправе гордиться сознанием, что 20 лет в их жизни прошли не бесследно, а созданное ими древлехранилище вправе ожидать дальнейшей помощи и просвещенного сочувствия людей науки и любителей родной старины».

Музей продолжал расширять сферу своей деятельности: в 1903 году он участвовал в Международной научно-промышленной выставке «Детский мир» (Москва), покровительницей которой выступила вдовствующая императрица Мария Феодоровна.. В историческом отделе была представлена часть его коллекции фарфора – в основном, это были статуэтки.

А в 1904 г. сведения о Ростовском Музее Церковных Древностей были переданы в Национальную библиотеку Конгресса (Вашингтон, США). Стого времени началось собрание этой крупнейшей в мире библиотеки – документов, материалов, книг о Ростове и Ростовском музее. Замечу, что в конце 1950-х гг. в нее поступил архив А.А. Титова-сына, жившего в Париже в эмиграции. Совсем недавно выяснилось, что на сайте этой библиотеки представлены труды Титова-старшего и его современников, ученых-«археологов» по истории Ростова и Ростовской земли.

Как же любили отцы-основатели свое детище, с каким умением они создавали его реноме, как старались они сделать музей всемирно известным!

Данных о каких-либо торжествах по случаю 20-летия РМЦД не обнару-

жено.

Но слова об общегосударственном значении и значимости музея, подкрепленные конкретными делами, примерами и фактами, уже прозвучали.

В 1908 г., к своему 25-летию, Ростовский музей получил щедрый дар, поступивший по духовному завещанию сенатора В.П. Мордвинова – 550 экспонатов, среди которых были портреты представителей рода Мордвиновых, рукописи, книги, иконы, фотографии, литографии, древнегреческая посуда, мебель.

Как отмечалась музеем эта дата, в сохранившихся документах не отражено. Но заседание Комитета Музея, которое могло быть назначено на какое угодно число, состоялось именно 28 октября. И, хотя в протоколе заседания ни слова не говорится о 25-летию музея, думается – дата и тема его проведения были выбраны не случайно. Члены Комитета Музея ходатайствовали перед его Председателем 1908 г. об избрании в состав действительных членов музея уроженца Ростова, московского купца и потомственного почетного гражданина Николая Андреевича Мальгина, пожертвовавшего 1200 р. на устройство полов в Отдатеочной и Белой палатах. Это очень символично, поскольку и реставрация Кремля, обошедшаяся в 116000 р., была проведена исключительно на пожертвования.

30-летие музея прошло незаметно. В 1913 г. отмечалось 300-летие царствующего Дома Романовых, и эта дата совершенно затмила дату музейную. Но зато Ростовский музей, в первый и последний раз за всю историю его существования, посетил глава государства.

22 мая, после литургии в Успенском соборе, государь Николай II в сопровождении августейших детей осмотрел церкви Кремля, и при входе в Белую палату был встречен И.А. Шляковым, Д.А. Ивановым и Ярославским губернатором Б.В. Штормером. Царю поднесли икону Владимирской Божией Матери и святых угодников, почивших в Ростове, а наследнику-цесаревичу – богатейший альбом фотографий Ростовского Кремля. Высочайшие посетители осмотрели экспозиции Белой и Отдатеочной палат, а также Княжьи Теремы. Экскурсию, которая продолжалась 2 часа, вел И.А. Шляков. Государь весьма лестно отозвался о собрании музея, в особенности же ему понравилась коллекция резных царских врат.

Первая мировая война и грянувшие революции февраля и октября 1917 г., ни как не способствовали появлению даже мысли о праздновании 35-летию создания Ростовского музея.

Следующий праздник музея состоялся уже при советской власти, когда отмечалось его 40-летие. Это было тяжелое и одновременно великодушное время, когда Ростов сделался пристанищем представителей московской интеллигенции – артистов, музыкантов, время, когда, пусть на один год, Ростов стал городом университетским (в 1922 г. действовало Ростовское отделение Московского археологического института – РО МАИ),

время послевоенной разрухи, начало НЭПа.

1923 год. Руководство музея, принявшее решение отпраздновать дату, вовсе не круглую и не юбилейную в общепринятом смысле, последовательно шло к воплощению своего замысла. Уже в конце марта заведующему отделу Музеев Главнауки Н.Т. Машковцеву было послано приглашение прибыть в Ростов – для решения на месте вопросов, связанных с предстоящим юбилеем и научной деятельностью музея. Нужные бумаги были подготовлены, на празднование Главнаука выделила 15 червонцев, и в середине октября порядок празднования 40-летия музея, устройство торжественного заседания 10 ноября с участием научных деятелей, был утвержден на самом высоком уровне – Отделом Музеев Народного комиссариата по Просвещению. «Торжественное заседание по случаю исполняющегося 40-летия со дня рождения музея, имеющее быть в Белой Палате музея», состоялось, как и намечалось, 10 ноября. Присутствовали представители центральной и местной власти, партийных и хозяйственных органов, представители инородных музеев и краеведческих обществ. Всего – 41 чел.

Председательствовал на нем председатель общего отдела уездного исполнительного комитета (УИК), он же председатель административно-хозяйственного комитета по управлению кремлем Вареньшев. В духе того времени был выбран президиум в составе представителей: Музейного отдела – заведующий Ярославским губернским музеем профессор Н.Г. Перушин, Госплана – профессор В.И. Лавров, центрального Бюро краеведения – Н.А. Дорогудин [правильно – Дорогутин, - Е.К.], УКОМа – Морозов, Уисполкома – Новиков, Унаробраза – Рыльников, Костромского научного общества – В.И. Смирнов и директор Ростовского музея древностей Д.А. Ушаков. Секретарствовали ученый секретарь музея П.С. Иванов и делопроизводитель административно-хозяйственной комиссии по управлению кремлем Г.Д. Епифанов.

Заседание открылось не в 12 часов, как планировалось, а в 14 час. Блестящий, вдохновенный доклад, в котором содержались сведения об истории Ростова, создателя архиврейского дома Ионе Сысовиче – «крупном знатоке строительного дела и большим эстетом», его последователе Иосафе и реставрации, об этапах истории музея, анализировалась деятельность музея, подводились ее итоги за 40 лет, подкрепленные цифрами и фактами, произнес Д.А. Ушаков. Многие из того, что он говорил, перекликалось с текстами докладов А.А. Титова и обращений Комитета Музея к высоким ходатаям, когда он хлопотал о государственном финансировании. И многие фразы из речи Дмитрия Алексеевича в дальнейшем стали не просто хрестоматийными, а даже крылатыми! Отдавая дань времени, он сказал несколько слов и о значении революции для музея, но его создатели – купцы – были названы по именам!

Е. КРЕСТЬЯНИНОВА.
Окончание следует.

Георгий Ильич Кисляков

(1894-1939 гг.)

Годы революции и гражданской войны стали тяжелым испытанием для страны: расколов народ на два лагеря, они надолго преопределили жизнь общества и внесли свои коррективы в судьбу каждого человека. За последние годы, вследствие снятия грифа секретности с документов тех лет, открылось немало ранее неизвестных имен и фактов. Ростов в этом отношении не стал исключением.

В документах музейного и городского архивов содержатся биографические и фактографические материалы о жизни Кислякова Георгия Ильича – человека, чья общественно-политическая деятельность была связана с ростовскими событиями первых лет Советской власти. Особое место в данном списке документов занимает биография Г.И. Кислякова, написанная его женой и соратником Александрой Ивановной Моревой предположительно в конце 1950-х гг.

Принцип ее повествования строится на изложении основных, самых значимых периодов жизни мужа, рассматриваемых в контексте его профессиональной сферы. Сопоставив все имеющиеся данные, можно рассказать о судьбе этого человека – патриота и неустанного борца за идеалы революции.

Георгий Ильич Кисляков родился в апреле 1894 г. в Ростове в дворянской семье. В 1908 г. после окончания школы с 5-классным образованием, еще подростком, он поступил работать на фабрику Ростовской льняной мануфактуры. До начала 1918 г. трудился слесарем-токарем, одновременно являясь председателем фабрично-заводского комитета. После Февральской революции Георгий Кисляков вступил в ряды РСДРП (б). Работая с юных лет на фабрике, будущий революционер был не понаслышке знаком с нелегкой жизнью рабочих. Во многом этот период сыграл определяющую роль в его дальнейшей судьбе.

В 1917 г. Георгий Кисляков избрался в комитет общественной безопасности (КОБ), в комитет по снабжению города топливом, попутителем «по призрению семейств воинов», а затем, в исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов, где, показав себя ответственным работником, вскоре был выдвинут в президиум Совета. О плодотворной деятельности Г.И. Кислякова в исполкоме свидетельствуют многие сохранившиеся документы. Один из них гласит, что 27 октября 1917 г. в 9 ч. утра на экстренном заседании Совета были зачитаны две телеграммы, полученные из Петрограда, о свершившейся революции. После продолжительных прений по этому вопросу, в ходе которых решалось, следует ли поддержать события в столице, постановили: занять «выжидательную позицию и удержи-

вать массы от всяких выступлений и действий». По примеру г. Ярославля Ростовским Советом также было вынесено решение об образовании «органа шести» – Военно-революционного комитета, куда были избраны по два человека от рабочих, солдат и крестьян. Одним из представителей в него вошел Г.И. Кисляков.

В конце 1917 г. Кисляков назначен комиссаром снабжения г. Ростова. На этой должности он состоял до февраля 1918 г., продолжая одновременно являться членом исполнительного комитета.

В феврале 1918 г. по предложению и под начальством подполковника 206 пехотного запасного полка С.И. Абрамовича сформирован 1-й Ростовский партизанский отряд. Многие рабочие фабрики Рольма и члены Совета записались в отряд добровольцами. В начале марта красноармейцы покинули родной город. По распоряжению

Московского штаба военно-революционного комитета отряд был отправлен в г. Ельню Смоленской губернии, а затем на западный фронт, где занял позиции на демаркационной линии с Германией. После подписания в Брест-Литовске мирного договора отряд участвовал в мероприятиях по эвакуации немецких войск. Не вдаваясь в детали боевой жизни партизан, стоит отметить, что Г.И. Кисляков занимал в отряде должность начальника обоза. В его ведении состояло 8 красноармейцев, 4-5 военных повозок и 15-17 верховых и строевых лошадей.

Однако уже летом 1918 г. из Ростова начали приходить письма, в которых исполнительный комитет Ростовского Совета просил начальника отряда С.И. Абрамовича откомандировать некоторых бойцов, в том числе и Г.И. Кислякова, в Ростов. Власть нуждалась в опытных, ответственных, знающих свое дело работников. Вернувшись, домою, красноармеец Кисляков сразу же приступил к работе в исполкоме.

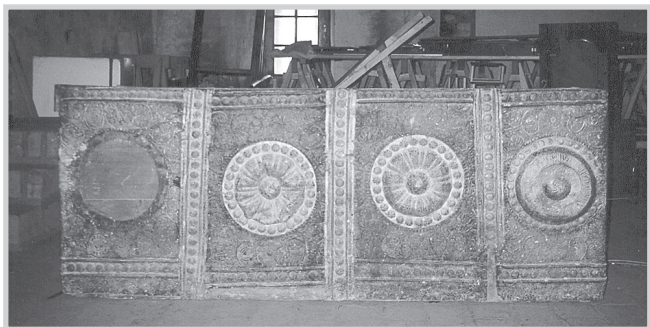
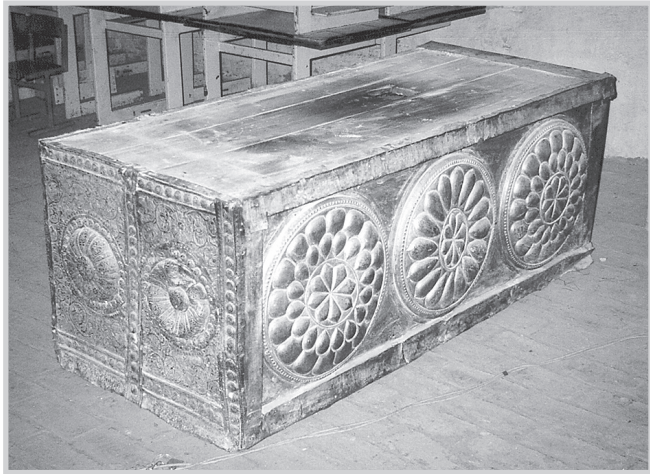
Как свидетельствуют архивные документы, 8 сентября 1918 г. образована ростовская уездная чрезвычайная комиссия, которая разделялась на три отдела: а) отдел по борьбе с контрреволюцией и преступлениями по должности, б) отдел по борьбе со спекуляцией и в) общий отдел (с 1 ноября 1918 г. при ростовской ЧК создано секретное отделение). Г.И. Кисляков получил назначение председателя уездной ЧК, он же возглавил и отдел по борьбе со спекуляцией. Немаловажно, что в чрезвычайную комиссию вступили и многие его сослуживцы – красноармейцы партизанского отряда, вернувшиеся осенью 1918 г. в Ростов.

С.Н. МИТИНА.
Окончание следует.

Раки ростовских святых в XVII веке

Установить, как выглядело большинство рак или гробниц ростовских святых в XVII в., совсем недавно было довольно трудно, поскольку считалось, что они исчезли много лет назад. Еще в XVIII – XIX веках их заменили новыми раками, соответствующими художественным представлениям того времени. К счастью, мне удалось обнару-

жить одну из тех древних рак XVII столетия (фото 1, 2), чудом уцелевшую в Борисоглебском монастыре, что находится в 18 км от Ростова. Это рака Иринарха Затворника, который входит в число ростовских подвижников благочестия.

жить одну из тех древних рак XVII столетия (фото 1, 2), чудом уцелевшую в Борисоглебском монастыре, что находится в 18 км от Ростова. Это рака Иринарха Затворника, который входит в число ростовских подвижников благочестия.

Она представляет собой довольно внушительное сооружение размерами 205х80,5х91 см, выполненное из дерева и оббитое с боков медными листами. С одной стороны они украшены ложчатыми чеканными кругами и имеют сплошную позолоту. С других сторон медные листы оформлены выпуклыми чеканными кругами с орнаментальными узорами и другими декоративными элементами, некоторые из которых также позолочены. На одном из упомянутых кругов имеется следующая чеканная надпись: «Пр(е)по(д)обнаго о(т)ца Иринарха затворника при архимандрите Иосифе». Над полагать, здесь назван настоятель Борисоглебского монастыря Иосиф, носивший звание архимандрита с 1688 по 1691 г. Значит, эту раку изготовили между 1688 и 1691 г. Первоначально сверху на данной раке лежало выполненное на деревянной доске иконописное полнофигурное изображение святого Иринарха.

Важно отметить, что принцип оформления стенок рассматриваемой раки большими кругами очень древний. Он восходит к убранству каменных саркофагов начала первого тысячелетия нашей эры, то есть к поздней античности и эпохе раннего христианства. На Руси первые примеры таких саркофагов относятся к XI в.

Судя по документам, сходное оформление имели раки святителей Леонтия и Исаии, находившиеся в XVII в. в ростовском Успенском соборе. И та, и другая тогда были медными, золочеными, с чеканными «лощатыми» кругами. Очевидно, сохранившаяся рака преподобного Иринарха возникла в подражание этим двум ракам наиболее значимых тогда местных святых. Примерно так же выглядели в XVII в. раки ростовских святых Петра царевича, преподобных Феодора и Павла.

Следовательно, все названные раки были созданы в духе ведущей в XVII в. ростовской традиции в оформлении подобных произведений. И те-

перь глядя на раку Иринарха Затворника, мы можем зримо представить их облик. Разумеется, указанная традиция не была сугубо местной. Раки святых, оформленные кругами, встречались в то время и в других регионах страны. Следует учесть, что во всей России от XVII в. до нас дошли лишь считанные единицы рак святых. Это

более повышает историческое и культурное значение рассмотренного памятника.

А. МЕЛЬНИК.

Картофелеводство в Ростовском уезде в конце XVIII – первой половине XIX вв.

В данном сообщении мы охарактеризуем картофелеводство в Ростовском уезде как отрасль торгового земледелия. В XVIII в. картофель в России был известной, но мало распространенной огородной культурой. В хозяйственной анкете, разосланной Вольным Экономическим обществом (далее – ВЭО) по провинциям страны в 1766 г., в ответах на вопросы по Переславль-Залесской провинции говорится: «... в здешних местах земляных яблоч – картофелей в посеве никогда не бывает, да семян здесь таких не имеется». По Ярославской провинции отмечается: «... картофель некоторыми из помещиков и то весьма мало сажается в огородах, а в крестьянстве оно производится совсем не примечено». В статистическом описании Ярославской губернии 1808 г. значится, что кроме хлеба и огородных овощей сельские жители разводили «... очень мало картофелю, потому, что крестьяне до него не охотники».

В 1830-е гг. картофель в Ростовском уезде превращается из огородной культуры в полевую. Его посадка на полях производилась для торгово-промышленных целей: картофель в значительных объемах начали использовать как для винокурения, так и для производства крахмала, патоки, саго и картофельной муки. Уже в 1826–1830 гг. в уезде высаживалось 8000–10 000 четвертей картофеля. Одни только вольные хлебопашцы с. Угличичи с деревнями высевали его по 300 четвертей, собирали до 400 четвертей. В 1834 г. в Петровске было выделено до 10 000 пудов картофельной муки, проданной по 6 руб. за пуд.

«Важное наставление» крестьянам о пользе картофеля содержится в документации Московской до-

мовой конторы князя С.М. Голицына. Оно было направлено 10 мая 1834 г. в ростовские вотчины, селения Сулость, Никольское на Перевозе и др. бурмистру Андрею Курбакову. Прочитав его полностью: «Опытом дойдено, что размножение картофеля при случаях неурожая хлеба может служить важным предохранительным средством от голода. По сему, возлагаю на твою обязанность внушить всем крестьянам и наблюдать тебе в свое время, как об урожае настоящего хлеба. О печении из картофеля хлеба вместе с ржаной мукой при сем прилагается наставление».

В ответе бурмистра, последовавшем в рапорте от 15 мая 1834 г. значится: «Повеление Вашего Сиятельства с приложением наставления о печении хлеба получено, которое при полном собрании мирского общества всем крестьянам объявлено. Равным же образом и наставление о печении хлеба из ржаной муки с прибавлением картофеля к неоднократным прочтениям крестьянам мною было внушаемо, а уже оный опыт у многих крестьян и в употреблении. О посеве картофеля нынешнее лето крестьяне объявляют, что под оным занято огородной земли число значительное и озимые хлеба у деревенских Вашего Сиятельства идут по-

рядочные».

В целом по губернии в начале 1840-х годов внедрение картофеля как рыночной культуры в крестьянском секторе только начиналось. В одной из корреспонденций из Ростовского уезда, помещенной в «Земледельческой газете» за 1841 г., отмечается: «Стали наши крестьяне разводить у себя благодатный картофель, да все еще только по малости и то больше на огородах, как овощ какой-нибудь, а не так, как, как бы следовало с хлебом на поле... Жаль, что это доброе дело так тихо у наших крестьян продвигается...». Однако автор той же корреспонденции подчеркнул как факты посева картофеля на полях, так и переработки его в картофельную муку: «Некоторые крестьяне занимаются и деланием картофельной муки, которую возят по нескольку тысяч фунтов на продажу в Петербург и в Москву, отчего имеют очень хороший барыш». Можно констатировать, что вместе с внедрением картофеля на поля развивалась и его промышленная переработка для последующей продажи.

В корреспонденции ростовского помещичьего крестьянина из с. Сущева Михаила Юрьева, напечатанной в той же газете за 1845 г., о разведении данной культуры сказано следующее: «Разведение картофеля в поле идет у нас по всей губернии. А паче в нашем Ростовском уезде очень удачно и разводят его охотно и во множестве. Есть из наших мужиков и такие, что даже бросили овес и сажат картофель. И выводят его очень прибыльно». Автор, являясь крестьянином селения с традиционным полевым земледелием, приводит в пример отдельных крестьян, у которых имелись весьма значительные посевы картофе-

ля в полях. Один из них – Алексей Павлов из с. Опольня высевал его по 630 пудов, собирая по 3150 пудов. Урожай был сам-5. Картофель, кроме домашнего обихода, шел на корм скоту, продавался помещикам на винокуренные заводы. Некоторые из рачительных крестьян изготавливали из него муку, сбывая ее с большой выгодой на паточные заводы. Михаил Юрьев отмечал, что «... паточным делом занимаются ныне многие крестьяне и производят много патоки». Тот же Алексей Павлов изготавливал свыше 500 пудов патоки, продавая ее в городах на варенье и откупщикам на сладкие водки. Чистую высушенную картофельную муку высокого качества везли в значительном количестве в Москву, Петербург и другие города.

В 1850-е гг. основные посевы картофеля в губернии концентрировались в Ростовском уезде, где ежегодно высаживалось до 120 тыс. четвертей; то есть за 20 лет его посевы выросли более чем в 10 раз. Корреспондент ВЭО Н.Ф. Земский писал, что в 1852 г. крестьяне посадили особенно много картофеля по причине выгодных на него цен. В одной из статей ВЭО, напечатанной в 1860 г. отмечается: «Картофель в последние годы значительно вздорожал. Годы 3 тому назад можно было покупать его по 70 коп. за четверть, но в прошедших 1857 и 1858 годах дешевле не был 1 руб. 60 коп. за четверть». Таким образом, цены за 3 года поднялись более чем в два раза. Тенденция к расширению посевов в связи с ростом цен наблюдалась почти все предреформенное десятилетие.

А. МОРОЗОВ.
Окончание следует.

О деревянных постройках

улучшений со времени его постройки – от 1878 г. в нем не было, разве только доходность его изменилась к худшему: меньше получаю с квартирантов да торговля стала хуже... если к переоценке послужило то обстоятельство, что в доме помещается лавка, но ведь она была и раньше, да и за это я плачу (с торговых прав) особый налог в земство по 10 % с рубля».

Называя переоценку дома «неправильной и противозаконной», Базанов, в конце своего письма, просил земскую управу отменить переоценку дома и, если управа «своею властью» это сделать не может, передать об его прощении на рассмотрение очередного Ростовского уездного земского собрания. Ростовское земство рассмотрело заявление Базанова 28 сентября 1881 г. на очередном собрании и по вынесенному определению, на основании ст. 74 «Положений о земских учреждениях», оставило оценку дома

«прежнюю, как это значилось до переоценки в окладных книгах».

В 1908 г. жена священника Успенского собора (до последней четверти XVIII в. кафедрально-

го) г. Ростова Великого Елизавета Павловна Мансветова купила у мещанок Любови Юровой и Александры Шапошниковой, возле их деревянного флигеля, пус-

топорожную землю (ближе в Покровской церкви), оценочной стоимостью 55 руб.

В 1909 г. она построила на этом земельном участке деревянный флигель, который по оценочной стоимости составил 460 руб. Этим домом она владела до 1922 г., когда по нотариальной сделке здание было продано Петру Захаровичу Белодеду. Следует отметить, что флигель, построенный Е.П. Мансветовой, также сохранился до наших дней (см. фото 2 и его планировку).

Примечательно, что соседний дом слева в середине XIX в. принадлежал Вере Егоровне Юровой, ее мужу Василию Григорьевичу, детям: Измаилу, Григорию (художники), Александру, Любови, и был приобретен этой фамилией по купчей крепости в 1835 г.

К. СТЕПАНОВ.

